

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Интерпретация основных понятий

Реконструкция исторической реальности как исследовательская процедура предполагает использование специального инструментария. Прежде всего к нему относятся основные понятия. Они вписываются в теоретическую схему, избранную для объяснения изучаемых процессов. В данном случае — это так называемая теория модернизации. Ее многочисленные варианты опираются на различные методологические подходы, отдавая предпочтение тем или иным аспектам анализа исторической динамики. Отсюда — разнообразие в трактовке конкретных явлений и событий. Тем не менее, последователей теории модернизации объединяет главное — интерпретация исторического процесса как последовательного перехода человеческих сообществ от традиционного аграрного строя к городскому индустриальному¹. Этот процесс носит длительный характер и охватывает все сферы жизнедеятельности людей. На начальной стадии он создает предпосылки для всеобъемлющего преобразования общественного производства, что выражается в замещении ручного труда машинным. В результате так называемой индустриализации радикально увеличивается производительность труда, а валовой общественный продукт начинает расти по экспоненте. Иначе говоря, человеческое общество в глобальном измерении выходит на траекторию «современного экономического роста». И это становится главной движущей силой модернизационных преобразований².

Само же понятие модернизации рассматривается как частный случай фундаментального свойства общественных систем, которое заключается в постоянных изменениях, происходящих в социальной среде. На разных ее уровнях (принято говорить о ми-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-00144а.

¹ См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 53—59.

² См.: Гайдар Е.Т. Долговое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 2-е изд. М.: Дело, 2005. С. 21—35.

кро-, мезо- и макроуровнях) наблюдаются перманентные демографические, технологические, экономические, политические, социокультурные и другие сдвиги. Вместе с тем они не исключают преемственности между историческими событиями. Не случайно крупнейший социолог современности И. Валлерстайн одно из своих программных выступлений озаглавил так — «Социальные изменения? Изменения бесконечны. Ничего не меняется». По его мнению, оба эти утверждения неотделимы друг от друга, фиксируют различные проявления одного и того же процесса³.

Процесс социальных изменений весьма неоднороден. Он охватывает общественные сдвиги различной скорости, масштабов, сложности, направленности. В их числе принято выделять социальные трансформации. Под ними понимаются такие изменения, которые не ограничиваются приростом каких-либо параметров, а ведут к модификации самих параметров, к новым способам организации общества, преобразованию его институтов и базовых отношений⁴. Отличительной чертой социальных трансформаций является их локализация во времени и пространстве. В заданных ими рамках происходит количественное накопление изменений частного порядка, которое по достижении некоего «критического порога» приводит к качественным сдвигам. Пространственная и временная локализация «вписывается» в цивилизационную динамику. С одной стороны, это определяет уникальность отдельных этносов, обществ, культур, стран и т. д., а с другой — задает вектор мирового развития, направленный на «усложнение» общественных систем и гомогенизацию⁵. Именно такой трансформацией, обеспечивающей переход к современному обществу, является модернизация.

Понятие «модернизация» употребляется и в более узком смысле. Часто им обозначают целенаправленные усилия по «осовремениванию» общества, содержанием которого является сознательное изменение социальных институтов, общественных отношений, технологического базиса производства и т. д. Очевидно, что в таком случае возникает вопрос о субъектах модер-

³ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С. 162—163.

⁴ Артемов Е.Т., Побережников И.В., Головнев А.В. Проблемы социальных трансформаций // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 249.

⁵ См.: Сенявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 94—95.

низационного процесса, влияющих на ход преобразований. В их числе, как правило, выделяют заинтересованные в переменах социальные слои и группы, различные коалиции внутри правящей элиты, общественные и политические организации, государственные институты. В качестве эталона, к которому нужно стремиться, они выбирают «успешные» в экономическом, социальном и политическом отношении страны. Немаловажную роль в модернизационном процессе также играют политико-идеологические и теоретические представления о должном устройстве общества, магистральных путях его развития. Вместе они являются основанием, на котором строится внутренняя и внешняя политика государства в случае завоевания приверженцами модернизации «командных высот». Все ее компоненты связаны между собой и задаются избранным направлением общественного развития, конфигурацией отношений власти и собственности. В этом смысле экономическая политика, как любая другая, является «искусством возможного». Она подразделяется, весьма условно конечно, на стратегию и тактику. Стратегия связана с перспективным целеполаганием и определением долгосрочных приоритетов, темпов и пропорций наращивания производственного потенциала, принципов распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Тактика, в свою очередь, связана с выбором и использованием средств достижения целей, в том числе механизмов планирования, организации и мотивации соответствующих действий. Важным компонентом политики является соотношение ожидаемых и реальных результатов. Между ними всегда существует определенное несовпадение. Но иногда оно принимает гипертрофированные формы. Такую ситуацию как раз описывает известное выражение: «Хотели как лучше — получилось как всегда».

Особенности советской модели модернизации

Согласно теории модернизации, переход к современному обществу осуществляется в мировом масштабе. Но это, конечно, некий «идеальный вектор» развития. Во-первых, движение от традиционности к современности не является линейным, а во-вторых, существует множество его вариантов. Это обусловлено временем вхождения общества в модернизационный процесс, цивилизационным «наследием» тех или иных сообществ, особенностями их исторического пути. В частности, в классическом варианте модернизации ее неперменными атрибутами являются

частная собственность, рыночные отношения и гражданское общество (или их зачатки), а ее движущие силы представляют собой самоорганизующиеся социальные слои и группы. Однако в ряде стран на определенных стадиях развития эти свойства отсутствовали. Модернизационные процессы инициировались государственными институтами, которые навязывали обществу соответствующие преобразования. Тем не менее, многие существенные задачи перехода к современности при этом успешно решались. Поэтому следует говорить о различных моделях модернизации, понимая под ними «способы действия, которые фактически и создают будущее»⁶.

У России также была своя модель модернизации, отличавшаяся весьма существенной спецификой. Прежде всего, Россия не принадлежала к числу стран — «пионеров» модернизации. Если на Западе последняя стала результатом внутреннего развития, то российское общество было вынуждено модернизироваться под влиянием внешних вызовов. Такая модель развития явилась своеобразным ответом на геополитические угрозы. По существу, она носила догоняющий характер и предполагала активное заимствование у «продвинутых» стран новых технологий, культурных ценностей, форм социальной организации. Но в силу исключительных масштабов территории, постоянного отвлечения ресурсов для решения военно-политических задач, региональных различий в условиях хозяйствования, полиэтничности и поликонфессиональности населения, сохранявшего «исторические коды» разных цивилизаций и культур, заимствованные новации трудно приживались. Их приходилось навязывать силой. И эту задачу решало государство — наиболее активная и сильная структура российского общества. В своей модернизационной политике оно в значительной мере опиралось на принуждение. А это предопределяло прогрессирующую централизацию и бюрократизацию управления социальными и экономическими процессами, создавало препятствия для развития частной собственности, рыночных отношений и гражданского общества⁷.

В принципиальном отношении эти свойства российской модели модернизации постоянно воспроизводятся во времени. На первый взгляд подобное трудно себе представить. Действитель-

⁶ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 125.

⁷ См.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М., 2000. С. 53.

но, кто будет возражать, что наша страна сегодня выглядит совсем иначе, чем двадцать лет назад. Естественно, еще большие перемены произошли за последние 60—100 лет. И все же во многих отношениях российское общество мало изменилось. Вполне узнаваемы особенности его культуры и национального характера населения. Похожим образом действуют механизмы социальной стратификации. Сохранилась геополитическая диспозиция России в мировом раскладе сил. По уровню экономического развития она уже, по крайней мере, полтора столетия отстает от наиболее «продвинутых» стран и решает задачу «догнать» и в обозримом будущем «перегнать» их. По-прежнему актуально подведение широкой социальной базы под процесс «осовременивания» всей системы общественных отношений. Сказанное, кстати, определяет практическую значимость опыта советской модернизации, прояснения ее сильных и слабых сторон, причин успехов и неудач.

Таким образом, советская модель модернизации сохраняла преемственность с прежней, имперской моделью. Однако были и весьма существенные различия. Это определялось как объективными причинами, логикой развития российского общества, так и субъективными факторами. Главным, пожалуй, являлось практически абсолютное доминирование государственного начала в модернизационном процессе в ущерб индивидуальной и групповой самоорганизации. Оно основывалось на сложившейся в советском обществе системе взаимоотношений собственности и власти. У В. И. Ленина есть утверждение — «политика является концентрированным выражением экономики»⁸. Сказанное означает признание первичности отношений собственности, которые и задают конфигурацию власти. Это позволяет классам, социальным слоям, группам и индивидам, обладающим собственностью, реализовать свои интересы, прежде всего экономические, посредством определения форм, задач и содержания деятельности государственных институтов. Думается, однако, что в советском обществе имела место иная причинно-следственная связь. В нем главными были властные полномочия; они определяли право на владение и распоряжение средствами и продуктами производства. Поэтому экономическая стратегия советского государства являлась функцией (зависимой переменной) политико-идеологических устремлений правящей элиты.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 278.

В этих устремлениях можно выделить три основных направления:

- сохранение действующей системы властных отношений, структуры собственности и сложившейся стратификации общества;

- реализацию социалистического проекта, ориентированного на строительство «справедливого общества», что на деле означало поддержание утвердившегося порядка доступа к материальным и духовным благам;

- упрочение геополитических позиций российской государственности как одно из условий «победы социализма» во «всемирно-историческом масштабе».

Другими словами, экономический рост, не говоря уже об уровне жизни населения, рассматривался не как самоцель, а как средство решения других, прежде всего политических, задач. Причем мессианские устремления на практике означали поддержку идеологически близких движений повсюду в мире, которую никак нельзя объяснить экономической целесообразностью, а порой даже и геополитическими интересами. Конечно, в программных документах Коммунистической партии и советского правительства не содержалось в явном виде формулировок, фиксирующих названные приоритеты. В них в качестве главных целей советского государства назывались обеспечение поступательного развития экономики в интересах «неуклонного» повышения материального благосостояния и культурного уровня населения, создание условий для реализации своих возможностей каждым, защита «социалистического отечества» от агрессивных «поползновений» мирового империализма и др. Но это все — декларации, которые имели весьма опосредованное отношение к реальности.

Есть еще одна проблема в интерпретации советской экономической политики. В публицистике, да и в специальной литературе, механизм социального управления, действовавший в советском обществе, часто представляется как одномерная система, выстроенная строго по вертикали. Утверждается, что стратегические решения в сфере экономики, социального развития, культуры и других областях были исключительной прерогативой партийно-правительственной «верхушки», что только ей принадлежала инициатива, а управленческие импульсы шли строго «сверху вниз». На самом деле сводить субъекты государственной власти к ограниченному числу «директивных» органов (полит-

бюро, генеральный секретарь и пр.), как и возлагать на них ответственность за все провалы, да и достижения, в развитии страны, — большое преувеличение. Разумеется, ведущие позиции в разработке и реализации политического курса занимали высшие партийные и государственные инстанции. Но не только они делали погоду. В литературе имеются данные, позволяющие судить о количестве должностных лиц, причастных к принятию стратегических решений⁹. Их насчитывают от тысячи до трех тысяч. Вместе же с аппаратом подведомственных им властных структур численность «правлящего слоя» определяется десятками тысяч человек. Очевидно, что говорить о гомогенности управленческой системы в таком случае можно лишь с определенной долей условности. Ее институты, включавшие политбюро, секретариат, аппарат ЦК КПСС, Совет Министров с его отделами, министерства и ведомства, местные партийные, советские и хозяйственные органы, неформальные (несистемные) коалиции, формировавшиеся по политическому либо по деловому признаку, обладали известной самостоятельностью. Интересы этих субъектов заметно различались, особенно в тактических вопросах, а их политический и аппаратный вес менялся во времени. Но главное — принимаемые решения, как правило, являлись результатом «притирки» отдельных позиций (компромиссов), а иногда и борьбы различных мнений. Правда реализовывались решения в рамках «генеральной линии», что сопровождалось созданием видимости полного консенсуса по сколько-нибудь значимым вопросам.

Основные этапы советской экономической политики

В историческом процессе нечасто встречаются четко датированные рубежи. Поэтому любая периодизация носит условный характер. Она фиксирует временные отрезки, границы которых совпадают с качественными сдвигами в историческом процессе, существенно корректирующими общий вектор развития общества. Но происходит это не одновременно и редко связано с каким-либо одним событием. Если говорить о советской экономической системе, то в ее развитии стоит выделить три этапа. Возможно, конечно, и более детальное членение экономического раз-

⁹ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 6—7; Восленский М. Номенклатура. М., 2005. С. 151—155; Левин М. Советский век. М., 2008. С. 546—547.

вития, но для понимания логики эволюции советской экономической политики этого вполне достаточно. Предлагаемая периодизация позволяет понять, как и почему менялось ее содержание, оценить ее результативность с точки зрения задач модернизации.

Первый этап охватывает период от Октябрьского переворота до конца 1920-х гг. Это время стратегического выбора. Придя к власти, большевики установили абсолютную политическую и военную диктатуру. Пользуясь обретенными возможностями, они в соответствии со своими теоретическими и идеологическими представлениями вначале попытались осуществить непосредственный переход к коммунизму с его тотальным отрицанием частной собственности и рыночного хозяйства. Такая политика, получившая название «военного коммунизма», помогла большевикам победить в Гражданской войне. Однако стремление к всеобъемлющей централизации экономической жизни обернулось жестоким кризисом, «запланированным хаосом», по выражению Л. фон Мизеса¹⁰. Под угрозой оказалась сама власть большевиков. Это вынудило их пойти на определенный маневр. Они ввели новую экономическую политику, допускавшую существование рыночных отношений при сохранении «командных высот» в руках «рабоче-крестьянского» государства. Но речь шла не о том, чтобы «поступаться принципами». «Всерьез и надолго», — говорил о нэпе В. И. Ленин. «Надолго, но не навсегда», — вторил ему Л. Д. Троцкий. Это означало, что с достижением относительной экономической и социальной стабильности нэп следует отбросить.

Так, собственно, и произошло. Но при определении перспектив возникли серьезные разногласия внутри самой правящей партии. Одна фракция считала, что следует ориентироваться и всеми способами инициировать установление советских порядков в ведущих странах мира и только после этого можно говорить о полноценной стратегии создания фундамента коммунистического общества. Другие более сдержанно смотрели на перспективы скорой мировой революции, поэтому главное внимание предлагалось уделять внутренним проблемам страны. Перспективы ее развития связывались с укреплением «социалистического государства», наращиванием его экономического и военно-политического могущества, что рассматривалось и как

¹⁰ См.: Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 155—156.

лучшее средство стимулирования мирового революционного процесса. Сторонники последней точки зрения более реалистично оценивали социально-политическую обстановку в стране и полнее учитывали ее интересы. Не случайно они взяли верх во внутрипартийной борьбе: она закончилась безоговорочным утверждением курса на «строительство социализма» в «отдельно взятой стране». Его реализация должна была в кратчайшие сроки вывести СССР на передовые в экономическом отношении позиции. По своим стратегическим установкам этот курс демонстрировал высокую степень преемственности по отношению к имперской модели модернизации, хотя постоянно подчеркивалась неэффективность последней с точки зрения конечных целей. Его главный архитектор И.В. Сталин утверждал: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹¹. Он заявлял, что подобные попытки «выскочить из рамок отсталости» неоднократно предпринимались в прошлом, начиная с Петра I. Но они оказались малопродуктивными, потому что выйти на передовые рубежи и тем самым отстоять «независимость нашей страны» можно «лишь на базе социалистического строительства»¹². Последнее, естественно, должно направляться «сверху», осуществляться в плановом порядке и в мобилизационном режиме.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод. В результате ожесточенных споров внутри правящей элиты к рубежу 1920—1930-х гг. был сделан выбор магистрального направления развития страны на длительную перспективу. Разработанная в соответствии с ним экономическая стратегия содержала две принципиальные позиции. Во-первых, приоритет отдавался форсированному наращиванию возможностей страны, призванному обеспечить поступательное укрепление ее политико-экономического и военного могущества. Во-вторых, достижение поставленной цели связывалось с тотальным огосударствлением собственности, подавлением рыночных отношений, созданием средств и механизмов директивного управления экономическими процессами.

¹¹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюз. конф. работников соц. пром. 4 февраля 1931 г. // Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 362.

¹² См.: Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Собр. соч. Т. 11: 1928 — март 1929. М., 1949. С. 248—249.

Второй этап в экономической политике советского государства совпадает с так называемым «взлетом» (take-off) советской индустриальной системы. Этим термином обозначают относительно краткосрочные периоды, в течение которых удается добиться впечатляющих результатов. Однако за «взлетом» может наступить время «усталости», сопровождаемое лишь «слабыми попытками подъема и обновления»¹³. Если говорить о советском обществе, то для него время с начала 1930-х до середины 1960-х гг. было в экономическом отношении периодом такого «взлета». Затем, с точки зрения модернизационного процесса, наступил период «топтания на месте», «застоя» и «кризиса».

Отличительными чертами принятой модели развития являлись государственный монополизм и нерыночность. Это способствовало максимальной централизации ресурсов и позволяло контролировать их целевое использование. Такая система получила название «плановой социалистической экономики». В данном случае термин «плановая» не означает «научно обоснованная», как иногда его интерпретируют. Этим термином лишь подчеркивают, что при принятии решений субъекты хозяйствования руководствовались не рыночными сигналами, а директивными установками, «спускаемыми» партийно-государственными институтами. А они, в свою очередь, формулировались в соответствии с пониманием руководящими органами «высших интересов». Это фиксировалось в среднесрочных и долгосрочных планах — декларациях, на основе которых принимались предписания различной степени детализации, «что, как и когда делать»¹⁴. Их «неукоснительное выполнение» мотивировалось специфическими способами. С одной стороны, всеми средствами культивировался и эксплуатировался энтузиазм, основывавшийся на стремлении «быть впереди планеты всей»; с другой — малейшие сомнения в правильности избранного курса, не говоря уже о сопротивлении ему, жестко пресекались репрессивным аппаратом. Но сказанное не отменяет высокой результативности реализованного варианта развития. С точки зрения заявленных целей догнать и перегнать «продвинутые» в экономическом отношении страны действительно был совершен «большой скачок». С такой оценкой солидарно, при всех возможных оговор-

¹³ Rostow W. The Takeoff into Self-Sustained Growth // Social Change: Sources Pattern and Consequences/ Etzioni A., Etzioni E., eds. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 286.

¹⁴ См.: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 23—26, 36.

ках, большинство исследователей¹⁵. Это подтверждают и современные оценки темпов экономического роста страны в этот период. Только в «лучшие годы» отдельные капиталистические страны демонстрировали похожую динамику.

Высокие темпы экономического роста основывались на огромных капиталовложениях. Уже в 1930-е гг. норма накопления в национальном доходе достигла по мировым меркам беспрецедентного уровня, превысив по некоторым оценкам 40 %¹⁶. Эти ресурсы в основном направлялись на развитие тяжелой индустрии. В результате к концу предвоенного десятилетия в стране появились производства, способные удовлетворять большую часть инвестиционных запросов экономики и потребностей вооруженных сил в современной технике¹⁷. В других отраслях, пожалуй лишь за исключением транспорта, успехи были гораздо скромнее. Тем не менее, даже в сельском хозяйстве, развитие которого было принесено в жертву «большому скачку», наметились определенные сдвиги в техническом оснащении и технологиях. А по общему объему промышленного производства Советский Союз вышел на сопоставимые с Германией позиции и уступал только Соединенным Штатам.

Вторая Мировая война оказалась строгим экзаменатором для производственного потенциала страны. И он выдержал это испытание, обеспечив военно-техническую основу победы. Отсюда делался вывод о необходимости продолжения предвоенной экономической политики с ее форсированным наращиванием базовых и оборонных отраслей производства. К такому варианту развития подталкивал и геополитический расклад сил. На международной арене появились два главных игрока — Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, интересы и представления которых о должном мировом устройстве принципиально различались. В их противостоянии преимущество было на стороне Соединенных Штатов: они располагали большим экономическим потенциалом, который дополнялся монополией на ядерное оружие. В совокупности это давало США подавляющее превосходство. В случае прямого военного столкновения сверх-

¹⁵ См.: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 50—51 и др.

¹⁶ См.: Вайнштейн А. Народный доход России и СССР. Методология исчисления. Динамика. М., 1969. С. 98, 102.

¹⁷ См.: Фанин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 176—177.

держав оно могло закончиться для Советского Союза весьма плачевно. Из сложившейся ситуации для руководства СССР был только один выход — добиться, по крайней мере, паритета с Соединенными Штатами в военно-технической сфере. Поэтому с учетом перспектив развития вооружений ставка была сделана на создание ядерного оружия и средств его доставки. Одновременно «озаботились» защитой главных центров страны от возможного ядерного нападения. Развертывание атомной индустрии, ракетно-космической и радиоэлектронной промышленности стало государственным приоритетом. На все остальное ресурсы выделялись по остаточному принципу. Это позволило в кратчайшие сроки добиться создания ракетно-ядерного «меча и щита» и уже к концу 1950-х гг. на равных разговаривать с США¹⁸.

Но было еще одно следствие послевоенного «рывка» в оборонной сфере. По уровню развития наукоемких производств Советский Союз вышел на лидирующие позиции в мире, что обеспечивало ему высокую макроэкономическую динамику вплоть до начала 1960-х гг.¹⁹. Причем в значительной мере она опиралась на собственные научно-технические достижения. Поэтому стал возможен определенный отход от прежней модели преимущественно имитационного развития. Новые подходы реализовывались в основном в военно-промышленном комплексе, но, казалось, не существует никаких ограничений для их утверждения во всех отраслях экономики.

Реальность, однако, оказалась иной. Уже на стадии «взлета» советской индустриальной системы обозначились трудно разрешимые проблемы. В первую очередь они были связаны с организацией производства. Рост масштабов и усложнение его структуры резко увеличивали число управленческих задач. В жестко централизованной системе ответственность за их решение возлагается на высшие эшелоны власти, ресурс которых по определению ограничен даже в плане контрольных функций. Отсюда возникала сложная дилемма — либо ужесточить административное давление, пытаясь за счет «укрепления исполнительской дисциплины» разгрузить «верхи», либо пойти на определенную децентрализацию принятия решений. Ситуация осложнялась тем, что организационную перестройку нужно было совместить

¹⁸ См.: Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006. С. 71—97.

¹⁹ См.: Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль XXI. № 5. С. 75—78.

с корректировкой приоритетов экономического роста. Дело в том, что систематическое перераспределение ресурсов в пользу базовой и оборонной промышленности «обескровило» другие отрасли экономики. Аграрный сектор, производство потребительских товаров, социальная сфера демонстрировали низкую, а порой и отрицательную динамику. Это негативно сказывалось на уровне жизни и способствовало накоплению в обществе чувства усталости, снижало мотивацию к производительному труду.

Ожидание позитивных перемен в повседневной жизни, получившее широкое распространение, подвигло послесталинское руководство во главе с Н.С. Хрущевым пойти на определенный маневр в экономической стратегии. В ней появляется потребительски-ориентированная составляющая, реализация которой рассматривалась в качестве важного шага на пути построения некоего социалистического аналога «общества потребления», активно формируемого тогда в западных странах²⁰. Это, однако, не отменяло главной установки — «догнать и перегнать» развитые страны по уровню и масштабам производства. В соответствии с ней было сформулировано программное требование — в кратчайшие сроки выйти «на первое место в мире по производству продукции на душу населения»²¹. Другими словами, страна ориентировалась на новый «большой скачок». Но здесь возникал вопрос, как совместить его с заметным повышением уровня жизни населения. Из сложившейся ситуации справедливо виделся лишь один выход — ускорение научно-технического прогресса, повышение эффективности всех отраслей общественного производства. И это намечалось осуществить в ходе реформирования системы управления экономическим и социальным развитием. Таким путем рассчитывали добиться и роста благосостояния населения, и упрочения статуса СССР как мировой экономической и военно-политической сверхдержавы²².

На практике, однако, нежелание «поступиться принципами» блокировало поиск реальных путей решения проблемы. Все свелось к перманентной перестройке сложившейся системы управления экономикой. Она сопровождалась путаницей, которая вела к разбалансировке даже тех механизмов, которые не исчерпали

²⁰ См.: Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. № 2. С. 43—49.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8: 1959—1965. М., 1972. С. 245—246.

²² См.: Артемов Е.Т. Истоки кризиса советской системы // Урал. ист. вестн. 2007. № 17. С. 106 107.

своих возможностей. Ситуацию усугублял «политический детерминизм» хрущевского руководства. В целях укрепления своих позиций оно сознательно пошло на ослабление действовавшей властной вертикали²³. Одновременно была ограничена роль административных санкций в мотивации экономической деятельности. Это заметно расширило возможности реализации групповых интересов — ведомственных, региональных, коллективных — в ущерб общегосударственным. Результаты такой политики были вполне предсказуемы. С одной стороны, они обернулись заметным снижением темпов экономического роста, а с другой — подрывали реформаторский потенциал общества. Все шире распространялось неверие в способность каких-либо преобразований изменить что-то к лучшему. Стабильность, т. е. консервация сложившегося порядка вещей, стала рассматриваться в качестве единственно приемлемой основы развития. Стремление к ней начало определять содержание экономической политики.

Переход к ее третьему этапу был ознаменован смещением Н.С. Хрущева. Поначалу казалось, что реформы не приостанавливаются, а переводятся в плоскость продуманных последовательных действий. Их суть, как было объявлено, заключалась в «совершенствовании планирования» и «усилении материального стимулирования». На практике это означало попытку использования элементов классического рынка для согласования разнонаправленных устремлений и повышения мотивации отдельных субъектов хозяйствования экономическими средствами. Но, как оказалось, главным результатом реформы стало не повышение эффективности производства, а рост автономии бюрократических структур и предприятий. Таким образом, создавались условия для дальнейшего ослабления властной вертикали, что уже угрожало самим основам политико-экономической конструкции общества. Поэтому реформа была «спущена на тормозах». Тем не менее, она завершила начавшийся еще при Н.С. Хрущеве процесс трансформации директивной экономики в экономику «согласований» и «бюрократического торга»²⁴. В результате обще-

²³ См.: Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопр. истории КПСС. 1988. № 4. С. 79; Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. Экспансия науки в Сибирь: политологический аспект // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 215—216.

²⁴ См.: Авен П.О., Широинин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Изв. Сиб. отд. РАН СССР. Экономика и прикладная социология. 1987. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 39—46.

государственные планы превратились в «протоколы о намерениях». Их выполнение реально ничем не стимулировалось. Административный нажим утратил свою действенность, а подлинно экономической мотивации просто не существовало в силу отсутствия рыночных сигналов и санкций. Это дезориентировало предприятия и управленческие структуры, элиминировало внешний контроль за их деятельностью. Они оказывались незаинтересованными в повышении эффективности производства. Нормой стало стремление добиться максимальных выгод при минимизации усилий. А устранение «мелочной опеки» способствовало смягчению бюджетных ограничений. Тотальный дефицит, спровоцированный бесконтрольным поглощением ресурсов, их разбазаривание — так называемая «бесхозяйственность» — захлестнули экономику. Она теряла былой динамизм. Теперь было уже не до «победы в соревновании двух систем», не до достижения (не говоря уже о превышении) уровня развития передовых стран Запада. Задача виделась в поддержании минимальной социально-политической устойчивости общества и сохранении геополитических позиций. Не случайно «строительство коммунизма» при Н.С. Хрущеве было заменено на «совершенствование развитого социализма» при Л.И. Брежневе. Страна фактически теряла перспективу.

Это создавало для советского общества и государства серьезные опасности, угрожающие самому их существованию. С приходом к власти Ю.В. Андропова подобные настроения стали доминировать в правящей элите. Задача переломить негативные тенденции была провозглашена в качестве официального курса. Но хотя контуры реформ были обозначены при Ю. В. Андропове, их практическая реализация в основном выпала на долю «команды» М.С. Горбачева²⁵. На начальном этапе они предусматривали две трудносочетаемые стратегии. С одной стороны, провозглашалась необходимость «совершенствования» действующего хозяйственного механизма, внесение корректив в инвестиционную и структурную политику. Ставка здесь, как и в реформах середины 1960-х гг., делалась на осторожное использование рыночных отношений, внедрение принципов самоуправления на уровне отдельных коллективов, расширение прав предприятий и организаций. С другой стороны, ставились задачи укрепления властной вертикали управления хозяйственным процессом, «на-

²⁵ См.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. М., 2001. С. 297.

ведения порядка» и «повышения исполнительской дисциплины». Утверждалось, что в совокупности подобные меры являются необходимым и достаточным условием для «ускорения» социально-экономического развития²⁶.

Похожими были и средства достижения поставленных целей — провозглашение амбициозных установок (удвоение в последующие 15 лет производственного потенциала страны и т. д.) и организация массовых кампаний для их реализации²⁷. Большие надежды связывались с общественной инициативой, особенно в выходе на «правильное соотношение административных и экономических методов хозяйствования». Все это сопровождалось перманентной перестройкой структуры управления, в результате которой предприятия получили полную самостоятельность в оперативной деятельности. Однако реальных рыночных регуляторов хозяйствования создано не было. В их отсутствие утрата контроля сверху создавала благоприятные условия для реализации узкогрупповых и частных интересов в ущерб общеэкономическим. По меткому замечанию П. Грегори, «Горбачев создал худшее, что можно было придумать, — безголового монстра, потерявшего ориентацию. Оставленный на произвол судьбы, этот монстр топтался во тьме, не направляемый ни министерствами, ни рынком. Экономика оказалась в состоянии свободного падения»²⁸.

Выход из разворачивавшегося социально-экономического кризиса, казалось, был найден в снижении военно-политического противостояния с Западом, отвлекавшего огромные ресурсы от внутренних нужд. Но поспешная сдача геополитических позиций не решила проблемы. Она лишь активизировала дезинтеграционные процессы в стране. А высвобождаемые ресурсы пропадали в «черных дырах» советской экономики, не давая ожидаемой отдачи. Система демонстрировала явную неспособность противостоять внутренним и внешним вызовам. Это подводило к мысли о необходимости радикальных перемен. Легкость, с которой даже видные деятели и ответственные функционеры Коммунистической партии превращались в ярых либералов, аполо-

²⁶ Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии: Докл. на совещ. в ЦК КПСС по вопросам ускорения науч.-техн. прогресса. 11 июня 1985 года. М., 1985.

²⁷ См.: Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России. 1985—1994. М., 1995. С. 7—9.

²⁸ Грегори П. Указ. соч. С. 309.

гетов рыночной экономики, правового государства и западной демократии, свидетельствовала об утрате легитимности существующего политико-экономического строя в глазах подавляющего большинства. Что за этим последовало — хорошо известно.

В заключение — несколько слов о результативности советской экономической политики. Если рассматривать ее с точки зрения стимулирования экономического роста, решения модернизационных задач, то трудно сделать однозначные выводы. Здесь, видимо, следует отталкиваться от данных многочисленной литературы, обобщающей результаты ретроспективного анализа экономической динамики России на фоне мирового развития²⁹. Эти данные, в т. ч. количественные показатели, заметно различаются. Есть и существенные отличия в оценках и суждениях, объясняемые несовпадением мировоззренческих и политических предпочтений авторов, разницей в методологических подходах и методиках исследования. Но все же, видимо, можно считать, что большинство солидарно в главном. Во-первых, вступив в стадию современного экономического роста на полтора-два поколения (30—50 лет) позже стран континентальной Европы и Северной Америки, Россия устойчиво сохраняет эту дистанцию уже на протяжении полутора столетий. Во-вторых, для нашей страны характерна уникальная, не имеющая аналогов в мире неравномерность темпов роста³⁰.

Эти выводы подтверждают данные, характеризующие экономическую динамику. Так, в начале XX в. производство ВВП на душу населения в России составляло, по имеющимся оценкам, около трети от уровня США, страны — лидера современного экономического роста. К середине 1960-х гг. данный показатель, по мнению многих исследователей, достиг 45—50 %. Затем разрыв вновь стал постепенно увеличиваться, а с конца 1980-х гг. его динамика приобрела пугающие темпы. В результате, с учетом стабилизации в последние годы, все вернулось на исходные позиции начала XX в. Сегодня ВВП на душу населения в России составляет около трети от соответствующего показателя в

²⁹ См.: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР...; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М., 1997; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И.С. Королева. М., 2003; Гайдар Е.Т. Указ. соч.; Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900—2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.

³⁰ См.: Федоренко Н. Россия на рубеже веков. М., 2003. С. 126.

США, но, правда, превосходит среднемировой уровень в 1,3—1,4 раза³¹. Следовательно, вряд ли стоит утверждать, что с точки зрения экономического развития страна «потеряла» XX в. И причиной тому являлся характер проводимой экономической политики³². Удержание позиций — тоже результат, и особенно он значим в столь бурное время, каким оказалось XX столетие. Несмотря на неудачу с реализацией «социалистического проекта», Россия не выпала из цивилизационного поля и завершила переход от традиционного к современному индустриальному обществу. Другими словами, был создан фундамент, который позволяет с умеренным оптимизмом смотреть на ее перспективы в XXI в. Есть все основания рассчитывать, что при оптимальной стратегии развития, недопущении опасных экспериментов уже в ближайшие два десятилетия она сократит свое отставание от лидеров экономического роста до 25 лет (до одного поколения)³³. Хотя это будет означать выход на уровень, который уже достигался в середине 1960-х гг. и был близок к показателю 1870-х гг. (если сравнивать с Соединенными Штатами Америки).

³¹ Оценка по: Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО РАН. М., 2008. С. 398—404.

³² См.: Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // *Вопр. Экономики*. 2000. № 1. С. 14—15.

³³ См.: Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 44.